

Р. З. Закиров

ТАТАРСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1917–1918 гг.

Вопросы татарского национального движения на рубеже XIX–XX вв. в исторической науке освещены достаточно подробно. Однако анализ и интерпретация фактов и событий того времени, на наш взгляд, требуют дальнейшего углубления и расширения. Поэтому в данной статье автор, опираясь на известные факты, попытался по-новому взглянуть на события начала XX в., а также заново их осмыслить. Кроме того, в научный оборот вводятся факты, до сих пор остававшиеся вне поля зрения исследователей.

К началу второй российской революции в феврале 1917 г. татарское национальное движение окрепло и накопило определенный опыт политической деятельности. Безусловно, значительную роль в этом сыграла деятельность мусульманских фракций Госдумы всех четырех созывов, политической платформой которой служили программные документы всероссийских мусульманских съездов (до 1917 г. их состоялось четыре). Правда, партию «Итти-фак аль-муслимин» так и не удалось зарегистрировать (подтверждение того, что Россия оставалась полицейским государством). Тем не менее политическая жизнь России стала более разнообразной, и татары активно участвовали в деятельности различных политических партий (кадетов, эсеров и т. д.), а также в выборах в Учредительное собрание в конце 1917 г.

В бурных событиях 1917 г. татарское национальное движение продемонстрировало свои возможности и зрелость, хотя не обошлось и без трагических ошибок и просчетов, в которых тесно замешаны объективные процессы и субъективные факторы (в том числе личные качества и амбиции лидеров нации). Несмотря на революционную ситуацию и фактическое безвластие в стране, мусульмане оставались лояльными подданными Российского государства, хотя логика событий подталкивала их к проведению более радикальной политики и решительным действиям. Так, культурно-национальная автономия мусульман Внутренней России и Сибири, провозглашенная летом 1917 г. в Казани, носившая экстерриториальный характер (здесь и далее мы будем пользоваться этим определением), при любом раскладе была вынуждена эволюционировать в сторону оформления национальной государственности тюрко-татар Волго-Уральского региона. Однако с июля 1917 г. (наиболее благоприятная ситуация) по март 1918 г., когда уже с большим запозданием пытались учредить Штат Идель-Урал¹, приходилось действовать во все более ухудшавшихся обстоятельствах. В итоге

ЗАКИРОВ Ринат Зинурович — кандидат педагогических наук, председатель Исполкома Всемирного конгресса татар, Казань (E-mail: tatar-congress@mail.ru).

© Закиров Р. З., 2007

чрезмерная осторожность и лояльность татарских либералов во главе с Садри Максуди оказались на руку большевикам, узурпировавшим власть в стране. Логично предположить, что провозглашенный уже летом 1917 г. Штат Идель-Урал с 50 тыс. мусульманских штыков вполне реально мог помешать приходу большевиков к власти, если не во всей России, то хотя бы в Волго-Уральском регионе. Другим трагическим обстоятельством развития событий 1917–1918 гг., безусловно, оказался раскол между татарами и частью башкир. Дело в том, что в создании национально-культурной автономии мусульман Внутренней России и Сибири, в выборах ее парламента (Миллят Меджлисе) участвовало немало башкир. Башкирские представители были и среди депутатов парламента. Однако верх взяли совсем другие люди, настойчиво ведшие к расколу татаро-башкирского этноконфессионального конгломерата мусульман Внутренней России и Сибири. Тому также есть объективные и субъективные причины, однако это отнюдь не оправдывает виновников раскола.

Нельзя не видеть, что либеральные деятели тюрко-татарского движения с упорством, достойным лучшего применения, придерживались идеи национально-культурной автономии в ущерб воссозданию той или иной формы национальной государственности. Как и всякая политическая теория, созданная в кабинетной обстановке, концепция национально-культурной автономии (ее авторы австрийские социал-демократы Отто Бауэр и Карл Реннер) не слишком согласовывалась с реалиями жизни. Она и сегодня, спустя век после возникновения, с трудом приживается на российской почве. Сейчас некоторые политические деятели призывают отказаться от проверенных временем национально-государственных форм организации жизни нерусских народов России и перейти полностью на принципы национально-культурной автономии экстерриториального характера. Мы же считаем, что такие формы организации национальной жизни могут лишь дополнять существующие национальные институты в рамках республик Российской Федерации.

Но вернемся к «проклятым» вопросам татаро-башкирских отношений на драматическом изломе истории в 1917–1918 гг. Как известно, I Всероссийский съезд мусульман состоялся в мае 1917 г. в Москве, а 2-й был назначен в Казани. Однако сроки его проведения предполагалось определить позднее, в рамках деятельности Милли Шуро². Вот тут и возникли трудности. «Отдельные мусульманские народы падение царизма поняли как исчезновение последнего общего врага. Слабые связи между тюркскими народами, которые поддерживались лишь стараниями татар, несмотря на возникшие благоприятные условия для укрепления и углубления их, не развивались дальше, ибо каждый народ считал себя, с одной стороны, свободным от центральной власти, а с другой – не проявлял особого желания связывать себя также какими-либо общими принципами и с братскими народами. В результате этого не только не состоялись запланированные во время первого съезда в Мос-

кве 3-й и 4-й всероссийские мусульманские съезды, которые должны были быть проведены в Ташкенте и Баку, но кавказцы и казахи не явились и на 2-й Мусульманский съезд, который проходил в Казани в июле 1917 года»³. К сожалению, среди не явившихся на съезд была и башкирская делегация.

В том, что башкирская делегация не явилась на съезд, на наш взгляд, нельзя видеть только чей-либо злой умысел. После падения самодержавия к лету 1917 г. перед всеми народами Российской империи открылись перспективы институционального обустройства на своих территориях. Собственно, это можно рассматривать как стихийное развитие регионализма в масштабах огромной страны. Башкирские лидеры также решили срочно провести общешкирский съезд в Оренбурге, дабы воспользоваться ситуацией. Поэтому они обратились в Милли Шуро с просьбой перенести общероссийский съезд на более поздний срок⁴. Как видим, они не отрицали принципы общетюркского, общемусульманского единства. Заметим, что в это время З. Валидов еще не участвовал в башкирском движении — служение общетюркскому делу он осуществлял тогда в Туркестане.

20 июля 1917 г. в Казани открылся 2-й Всероссийский мусульманский съезд (в этот же день в Оренбурге начался Общешкирский съезд). Съезд, можно сказать, был «камерным» — в его работе от пяти губерний с башкирским населением участвовало всего около 70 делегатов. 27 июля работа завершается избранием Башкирского областного Совета во главе с социал-демократом Шарифом Манатовым. Исследователь истории мусульманских народов России С. Исхаков пишет: «Основной экономической причиной, подталкивавшей манатовцев и валидовцев к территориальной автономии, являлась попытка башкир-вотчинников сохранить свои угодья, которым угрожал декрет о земле. На это обратил внимание Прайс, который побывал в середине 1917 года на Южном Урале»⁵. И не видеть эти объективные причины выделения в самостоятельную политическую силу башкирского движения было бы неправильно. Башкиры-вотчинники были скорее социальным сословием, чем этнической общностью в чистом виде. В этом сословии было немало выходцев из татар. Впоследствии, уже при советской власти, башкиры, живущие в селах, получили определенные налоговые льготы как представители народа, нуждающегося в специальной поддержке и развитии. Татары же, зачисленные в разряд развитых и грамотных народов, таких льгот не получали. Это была одна из причин, по которой татары Башкирской АССР в массовом порядке записывались башкирами. Такая «плавающая» этничность — лишняя резон определять татар и башкир как единый этноконфессиональный конгломерат мусульман Внутренней России. Тюрко-татарские либералы до последнего держались этого определения. Однако в вопросах национально-государственного самоопределения народа они не проявили ни своевременного и адекватного понимания проблемы, ни должной решительности.

Характеризуя политическую эволюцию Заки Валиди и его непростую роль в татаро-башкирских взаимоотношениях, необходимо видеть и другие обстоятельства его жизни. До того, как примкнуть к башкирскому движению, он позиционировал себя как твердый сторонник тюрко-татарской идентичности – это бесспорный факт. В 1912 г. в казанском издательстве «Саббах» вышла его книга «Төрөк вә татар тарихы» («История тюрков и татар»), а в 1917 г. – «Кыскача төрек-татар тарихы» («Краткая история тюрко-татар»). Известно также, что он состоял под негласным полицейским надзором как «опасный татарский националист».

Однако переход на сторону отдельного башкирского движения в конце 1917 г. означал определенный рубеж в политической эволюции Заки Валиди. Какие бы объективные и субъективные причины не лежали в основе этого шага З. Валиди, реально это способствовало окончательному и роковому расколу единого движения мусульман Внутренней России и Сибири. В своих мемуарах З. Валиди часто проговаривается о своих плохих отношениях с лидерами тюрко-татарской эмиграции, такими как Юсуф Акчура, Садри Максуди, Гаяз Исхаки, Фуат Тухтаров и др.⁶ Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что за рубежом Заки Валиди в основном позиционировал себя как представитель Туркестана. Очевидно, у него не было другого выхода, ибо в эмиграции тюрко-татары предпочитали не делиться на татар и башкир.

Однако надо отдать должное человеческим качествам Заки Валиди. По свидетельству видного деятеля тюрко-татарской эмиграции Али Акыша, в 1953 г. Заки Валиди сам пришел в дом уже смертельно больного Гаяза Исхаки. Они обнялись, и Заки Валиди произнес: «Давай забудем прежние обиды, мы ведь оба татары, люди одной эпохи». Как пишет в своих мемуарах Али Акыш, они оба признали свои ошибки и помирились⁷.

22 июля (4 августа) 1917 г. была провозглашена Национально-культурная автономия мусульман Внутренней России и Сибири, созданы также органы управления этой автономии, в частности, Временное национальное управление, из трех назаратов (министерств): просвещения, финансов, духовного управления мусульман. После этого уже существовавший Исполнительный комитет Всероссийского мусульманского совета направляет обращение Временному правительству России с просьбой признать Национальное управление мусульман Внутренней России и Сибири. В обращении также предлагалось передать функции, связанные с образованием и культурой мусульман, соответствующим ведомствам Национального управления мусульман.

К сожалению, Временное правительство проявляло нерешительность во всех вопросах, в том числе и по проблеме признания автономии мусульман. Вместо того чтобы формировать союзников в национальных регионах страны, правительство в Петрограде пребывало в плену старых великодержавных предрассудков и стереотипов. Не удивительно, что Россия дождалась

большевистского переворота. В отличие от Временного правительства, большевики действовали более решительно и даже авантюрно. Уже 26 октября (8 ноября) 1917 г. власть в Казани захватили большевики. В то время Харби Шуро⁸, имея 50 тыс. штыков (в Казани – 20 тыс.!), т. е. будучи реальной силой, оставался нейтральным к происходящим событиям. Именно подобная нейтральная позиция помогла укрепиться большевикам во власти. Хотя 19 ноября 1917 г. Харби Шуро выступило с заявлением о незаконном характере Октябрьского переворота и о непризнании советской власти, настаивая на решении вопроса о власти в стране Учредительным собранием⁹.

Приход большевиков к власти заметно осложнил ситуацию с формированием института Национально-культурной автономии мусульман Внутренней России и Сибири. Как известно, Ленин категорически отвергал идею «культурно-национальной автономии» как буржуазную и вредную с точки зрения «пролетарского интернационализма». Видимо, не в последнюю очередь и по этой причине татарские национальные лидеры находились в оппозиции к большевикам. Впрочем, все национальные правительства в регионах страны категорически не приняли советскую власть. Это обстоятельство побуждало большевиков маневрировать. В частности, они вынуждены были пересмотреть свои позиции в национальном вопросе. Большевики мучительно переходили от идеи унитарного «пролетарского» государства, по сути игнорирующего национальный фактор, к государству федеративному, объединяющему различные народы.

2 (15) ноября 1917 г. была провозглашена «Декларация прав народов России», включавшая в себя: «1. Равенство и суверенность народов России; 2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; 3. Отмену всех и всяких национально-религиозных привилегий и ограничений»¹⁰.

Национальный вопрос в России, конечно, был чрезвычайно болезненным. Поэтому большевики были вынуждены уделять ему немало внимания, однако именно в своем, превратном, понимании. 12 (25) января 1918 г. провозглашена «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», где впервые упоминаются принципы федеративного государства, которое обещают построить большевики. В этом документе уже не говорится о свободном самоопределении наций, а упоминается лишь «самоопределение» советскими съездами рабочих и крестьян. Следует упомянуть также об обращении Совета народных комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», выпущенном 20 ноября (3 декабря) 1917 г.¹¹ Нельзя не признать, что эти документы сыграли свою роль в расколе национального движения, в разложении мусульманских военных формирований.

После установления советской власти часть татарских деятелей (но не масс) пошла за большевиками и в далеко не свободных, вынужденных об-

стоятельствах продолжала дело национального строительства. Однако прежде, чем в Волго-Уральском регионе окончательно установилась советская власть и появились национальные республики в нынешних своих границах, здесь возник один из самых напряженных фронтов Гражданской войны. Эта война, развернувшаяся главным образом внутри имперской нации великороссов, вытолкнула из страны в эмиграцию лучшую часть татарского народа. При этом лидеры нации призывали мусульман сохранять нейтралитет. Собственно, большинство мусульман в годы Гражданской войны в России придерживалось именно такой линии поведения.

Заслуживают отдельного рассмотрения и события ноября 1917 г. — марта 1918 г., когда татарское национальное движение, по сути, попыталось самоопределиться в форме собственной государственности в рамках федеративной России. В этих событиях можно видеть величие и трагизм народа, устремившегося к свободе и столкнувшегося с новыми проявлениями великодержавной политики со стороны сил, лицемерно провозглашавших антиимперские и антиколониальные лозунги. Пришедшие к власти большевики действовали не просто решительно, но цинично и коварно. Они не гнушались демагогических обещаний, позже отказываясь от них. На руководящие посты назначались некомпетентные, бездарные люди, преданные большевикам. Новые власти, согласно своим демагогическим установкам, поощряли захват чужой собственности. Мусульманские собственники особенно страдали от подобного произвола. Поскольку те или иные формы самоорганизации национальной жизни тюрко-татар основывались на поддержке национального капитала, то это означало одновременно подрыв материально-финансовых устоев мусульманской общины России.

Если до большевистского переворота многочисленные национальные структуры и организации мусульман Внутренней России и Сибири действовали более или менее согласованно, в едином русле, то затем картина резко изменилась. Большевикам и их малочисленным сторонникам среди татар удалось привнести раскол в национальное движение. М. Вахитов, К. Якубов, М. Султан-Галиев и другие немало сделали, чтобы саботировать деятельность таких структур, как Милли Шуро, Милли Меджлис¹², Милли Идара¹³, Харби Шуро. Они вели большевистскую агитацию, чтобы «разложить» национальные войска. Большевистское воздействие расщепило, атомизировало складывающуюся тюрко-татарскую общность. Разнонаправленные процессы пошли в регионах компактного проживания мусульман Внутренней России. Большевики то и дело создавали новые структуры по управлению делами мусульман, непрерывно тасовали в них руководящие кадры, закрывали уже существовавшие и оправдавшие себя органы, присваивали их собственность и финансы. Все это нельзя расценивать иначе как преступную политику большевизма в отношении мусульман.

В подтверждение сказанного можно было бы подробно рассмотреть всю хронологию событий 1917–1918 гг., однако мы не считаем необходимым повторять то, что достаточно хорошо представлено в исторической литературе, особенно постсоветского периода. Тем не менее эпизод становления первой мусульманской советской республики заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку это была попытка самоопределения тюрко-татар Внутренней России после трагедии 1552 г. 8 января 1918 г. в Казани начал работу II Всероссийский мусульманский военный съезд. Этому предшествовал разгон Учредительного собрания, начавшего работу 5 января в Петрограде, а также запрет большевистского главнокомандующего и наркома по военным вопросам Н. В. Крыленко на проведение съезда военных мусульман. Это очень важные детали эпохи, характеризующие напряженность общей ситуации в стране. На съезд прибыло 203 делегата, из них татар — 141, башкир — 35. Остальные делегаты представляли народы Поволжья — чувашей, марийцев, удмуртов, мордву и т. д. В день открытия съезда поступила новая телеграмма Крыленко с запретом на его проведение, а также на формирование мусульманских военных частей. Однако де-факто такие части уже возникли¹⁴.

Военный съезд начал работу одновременно с заседавшим в Уфе Милли Меджлисом. Этот национальный парламент, представлявший по сути весь татарский и частично башкирский народы, возлагал на мусульманских военных большие надежды. Предполагалось, что именно военно-мусульманский съезд провозгласит «штат Идель-Урал» — территориальное государственное образование, реализующее самоопределения тюрко-татар Внутренней России и Сибири в рамках федеративного союза народов. Нужно понимать реальную обстановку того времени, когда только вооруженные люди могли внушить уважение и заставить считаться с собой. Естественно, у национального парламента ничего этого не было. В то время в Казани квартировал десяти тысячный 95-й мусульманский полк во главе с командиром полковником А. Бигловым. Это была реальная сила, заставлявшая большевистскую власть считаться с мусульманами. Кроме того, несмотря на откровенное противодействие большевиков, мусульманские полки были сформированы в Уфе, Оренбурге, Витебске, Петрограде, Симферополе, Симбирске и других регионах.

Национально-государственное самоопределение мусульман в рамках федеративной России было главным вопросом II Всероссийского военного мусульманского съезда, несмотря на противодействие большевиков. В советской историографии отрицается провозглашение Идель-Уральской Советской Республики. Да и сейчас вокруг этого немало споров. Вопрос непростой, но он очень важен с политической точки зрения.

По нашему мнению, в марте 1918 г. началась реализация проекта национальной государственности татар и башкир в составе РСФСР. На самом

деле большевистское правительство считало, что мусульманский военный съезд стоит на платформе советской власти. Оно даже создало Комиссариат по мусульманским делам, состоявший из 15 человек. Официально он назывался Мусульманским народным комиссариатом по осуществлению Штата Идель-Урал, у него была своя газета «Идель-Урал штаты», которая издавалась на татарском языке. «Таким образом, провозглашение все же состоялось, и продолжалась конкретная работа по реализации Идель-Уральского штата. Этот процесс был прекращен центром в конце марта»¹⁵.

28 марта был опубликован декрет СНК, упраздняющий Всероссийский мусульманский военный Шуро (Совет) и связанные с ним военные организации и комитеты¹⁶. Это был открытый вызов мусульманам, поэтому Мусульманский военный съезд был вынужден перебраться в татарскую часть Казани и объявить о своем неподчинении большевистскому декрету. Большевистские власти, не колеблясь, начали военные действия против мусульман. На стороне большевиков активно выступили такие мусульманские деятели, как М. Вахитов, М. Султан-Галиев и др. Таким образом, столкновения обрели внутримусульманский характер. Чтобы избежать братоубийственного кровопролития, национальные вооруженные силы согласились на разоружение. Таким образом, существование Идель-Уральской Советской Республики прекратилось. В советской историографии ее уничижительно называли «Забулачной республикой», однако государственного образования под таким названием не было.

После этого национальные деятели, примкнувшие к большевикам, взялись за осуществление идеи государственности татарского и башкирского народов в рамках советской власти. И тут их ждало немало разочарований. Поначалу большевики провозгласили курс на создание Татаро-Башкирской Советской Социалистической Республики. Но логика действий большевиков показывает, что это был лишь политический маневр. Идея создания Татаро-Башкирской Республики была поддержана ими как альтернатива в противовес концепции Штата Идель-Урал. Когда конъюнктура изменилась, большевики вернулись к старой имперской практике. Таким образом, были созданы два отдельных автономных образования – Башкирская и Татарская республики. При этом произвол коснулся огромной массы татарского населения Уфимской губернии. Вопрос его территориального самоопределения должен был решиться на референдуме, обещанном большевиками. Однако новые власти, согласно своим «пролетарским» правилам, не стали церемониться. Татарское население Уфимской губернии было насильно включено в состав Башкирской Республики, что создало почву для последующих распрей, продолжающихся до сегодняшнего дня. Так закончилась драматическая эпопея национального движения тюрко-татар Волго-Уральского региона, связанная с национальным самоопределением и попыткой восстановления своей государственности.

История знает немало примеров многонациональных государств. Как правило, судьба большинства из них не проста и поучительна. Для нас чрезвычайно интересен собственный опыт России по обустройству многонационального федеративного государства. В начале XX столетия на этом пути были сделаны первые решительные шаги. Огромную роль в этом сыграли национальные движения различных народов, в том числе и татар. Сегодня, в XXI в., когда Россия развивается как демократическое федеративное государство, нам полезно заново осмыслить события недавнего прошлого, извлечь уроки из ошибок, чтобы идти дальше по пути становления гражданского общества и единой российской общности.

¹ Предполагаемая государственность татар и башкир в рамках федеративной России, идея которой была выдвинута представителями либеральной интеллигенции мусульман Поволжья и Урала.

² Милли Шуро — Всероссийский мусульманский Совет, созданный в 1917 г.

³ Давлетшин Т. Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики. Казань, 2005. С. 136.

⁴ См.: Исхаков С. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М., 2004.

⁵ Там же. С. 395.

⁶ См.: Валиди З. Т. Воспоминания: В 2 кн. Уфа, 1998. Кн. 2.

⁷ См.: Akis A. Aklinda Kalanlar. Natiralar-Konusmalar. Ankara, 2002. P. 97.

⁸ Всероссийский мусульманский военный Совет, созданный в 1917 г.

⁹ См.: Давлетшин Т. Советский Татарстан. С. 164.

¹⁰ Ионенко И., Тагиров И. Октябрь в Казани. Казань, 1967. С. 241.

¹¹ См.: Давлетшин Т. Советский Татарстан. С. 170.

¹² Милли Меджлис — Национальный парламент, избранный в ноябре 1917 г. в рамках Национально-культурной автономии татар Внутренней России и Сибири.

¹³ Милли Идара — Национальное правительство, сформированное Национальным собранием в ноябре 1917 г.

¹⁴ См.: Ионенко И., Тагиров И. Октябрь в Казани. Казань, 1967.

¹⁵ См.: Исхаков С. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). С. 483.

¹⁶ Известия ВЦИК. 1918. 28 марта.

Статья поступила в редакцию 15.11.2006 г.